

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2658-7335-2024-4-13
УДК 821.161.1

ДИДАКТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

Татаринов А.В.

Кубанский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена ответу на вопрос: Чему и как учит современная русская проза? Снижая роль нарративной интриги ради интриги духовной, оценивая дидактику как высокую форму поэтики, мы рассматриваем пять новейших литературных стратегий: гностицизм, новый реализм, либерализм, народность, романность. Все они обладают константными признаками, а также идейно-художественной самостоятельностью, состоявшимися авторскими мирами и приобретают еще большую актуальность в границах классического для национальной словесности эпического дуализма (патриоты – либералы, славянофилы – западники, евразийцы – пост-модернисты и т.д.). Выдвигается гипотеза о трех перспективах литературного процесса в ближайшие годы: с одной стороны, жанровая форма романа продолжает оставаться самым понятным литературным продуктом; с другой стороны, психологический роман будет испытывать усиливающееся воздействие влиятельных идеологов; гностическое мироощущение, столь очевидное в прозе Пелевина, Сорокина или Елизарова, сохранит влияние во всех пяти дидактических стратегиях; в контексте расширяющегося конфликта цивилизаций эпические тенденции в становлении сюжетов и конфликтов станут еще более заметными.

Ключевые слова: современная русская литература, дидактика художественного текста, гностицизм, новый реализм, либерализм, патриотизм, народность, поэтика романа.

DIDACTIC STRATEGIES IN MODERN RUSSIAN PROSE

Aleksey V. Tatarinov

Kuban State University

Abstract. The article is devoted to answering the question: what and how does modern Russian prose teach? Reducing the role of narrative intrigue for the sake of ideological intrigue, evaluating didactics as a high form of poetics, we consider five newest literary strategies: Gnosticism, new realism, liberalism, nationality, romance. All of them have constant features, as well as ideological and artistic independence, established authorial worlds and acquire even greater relevance within the boundaries of the classic epic dualism for national literature (patriots - liberals, Slavophiles - Westerners, Eurasians - post-modernists, etc.). A hypothesis is put forward about three perspectives of the literary process in the coming years: on the one hand, the genre form of the novel continues to be the most understandable literary product, on the other hand, the psychological novel will experience the increasing influence of influential ideologies; the gnostic worldview, so obvious in the prose of Pelevin, Sorokin or Elizarov, will retain influence in all five didactic strategies; in the context of the expanding conflict of civilizations, epic trends in the formation of plots and conflicts will become even more noticeable.

Keywords: modern Russian literature, didactics of artistic text, gnosticism, new realism, liberalism, patriotism, nationality, poetics of the novel.

Введение.

Наша задача – представить основные дидактические стратегии в новейшей отечественной прозе. Художественный мир воплощает идею жизни, нравственную философию, состоявшееся мировоззрение, которые требуют относиться к литературе (с ее относительностью и вымышленным характером) как к словесности,

расширяющей полномочия текста. Когда современный литератор Ю. Сапрыкин обвиняет новейшую русскую прозу в «ревизии зла» [Сапрыкин], он лишь подтверждает мысль (научную и житейскую одновременно) о том, что литература стремится к полноте высказывания – к целостному, пусть и не рациональному, поучению, к особой канонизации образов пути, цели, совершенной жизни. Собственно, это и есть миссия

литературы – в эстетической активности утверждать константы духовного опыта и одновременно готовить встречу с мировоззрением как с поэтикой, с объемным сюжетом этического сознания, стремящегося получить серьезную степень объективности.

Переходя к решению задачи, сделаем два замечания о литературном процессе в России наших дней.

1) Эпический дуализм русской словесности XXI века может быть выражен по-разному (славянофилы – западники, патриоты – либералы, правые – левые, евразийцы – глобалисты); именно он – ее доминирующая, определяющая духовную интригу черта. Это не только бесконечно возвращающаяся тема в литературной критике, но и частотный объект научного анализа (например, в диссертациях Ю. М. Павлова [Павлов], Т. Е. Сорокиной [Сорокина], Ф. А. Пономарева [Пономарев]).

2) Кризис постмодернизма в России был очевиден с момента его обретения в конце 1980-х годов: деконструкция, корректирующая ирония и эпистемологическая неуверенность слишком маргинальны и факультативны по отношению к доминирующему национальному сюжету. Сохранивший верность постмодернизму Виктор Ерофеев утратил статус актуального писателя; эволюционировавшие Виктор Пелевин и особенно Владимир Сорокин его укрепили. Эта эволюция часто связывается с модернизмом (например, работы М. В. Безрукавой [Безрукавая], А. Жучковой [Жучкова], прагматично усиливающим звучание новой русской прозы.

Обсуждение.

Дидактическое поле новейшей русской прозы можно рассматривать как единство пяти стратегий.

Гностицизм (Виктор Пелевин («Священная книга оборотня», «Transhumanism inc.»), Владимир Сорокин («Теллурия», «Доктор Гарин»), Владимир Шаров («Будьте как дети», «Возвращение в Египет»), Михаил Елизаров («Pasternak», «Библиотекарь»), Александр Потёмкин («Каббала», «Русский пациент»)). Вокруг древнего принципа, унижающего телесное и материальное ради духовного и виртуального, многое строится в современной отечественной литературе. Выступая против эпической серьезности и морализаторства советской, да и всей ориентированной на реализм словесности, постмодерн отдал предпочтение иронии, декон-

струкции и хаосу – основам масштабной ненормативности. Однако выяснилось, что в формальных границах преодоления классических для XX века метанарративов формируется новая императивная поэтика – особая тоталитарность авторских миров, переходящих из текста в текст. Вряд ли стоит говорить об интересе авторов к конкретным учениям или влиятельным текстам, к «Евангелию от Фомы» или «Апокрифу Иоанна». Лучше вести речь о господствующем настроении – об особом переживании негативной пустотности каждого канона и позитивной пустотности отречения от него. Не является первостепенным, что отрицается или утверждается в гностических текстах. Тяжелая, гамлетическая интонация, почти всегда обязательный агрессивный пессимизм, кризис повседневного зрота и христианской агапэ, погруженность в национальную философию истории и психопатологию русского характера, интеллектуализм и гротеск в области лексики, иллюзорный диалогизм, постоянное освоение парадоксов взаимодействия гламура и борьбы с ним, революция и религия, алко-, наркозависимости и принципиально не христианская метафизика создают эффект саркастического катарсиса – следствие освобождения от «тоталитарного» в познании продуктивной, апофатической пустоты, при сохранении насыщенного послевкуся от общения с «темным» повествованием, сообщающим, как устроен мир и что есть жизнь человека. Ни мир, ни человек любви здесь не вызывают. Планируемый рецептивный жест читателя – отречение сознания от состоявшихся, в целом оптимистических метаисторий ради знания, точнее, интуиции тщетности всех признаний и поклонений.

Новый реализм (Эдуард Лимонов («В Сырах», «Дед»), Захар Прилепин («Патологии», «Грех»), Роман Сенчин («Информация», «Русская зима»), Сергей Шаргунов («Ура!»), «Книга без фотографий»), Дмитрий Данилов («Горизонтальное положение», «Описание города»). Наш литпроцесс только выиграл от желания молодых прозаиков обосновать свое эстетическое и публицистическое присутствие в спорном термине «новый реализм». Его поэтика – автобиографизм, отсутствие фантастики и метафизики, отказ от иронической оценки действительности, серьезное восприятие повседневности, «скучный», вне лингвистических игр язык, повествование без резких кульминаций и новеллистических развязок, внимание к советскому дискурсу.

Его дидактика – отрицание всей постмодернистской виртуальности вместе с гностической интуицией, утверждение «нашего времени» и «обычного человека» как идейно-художественного центра, как витальной нормальности, противопоставленной зигзагам сознания пелевинского и сорокинских героев. Антиутопия и утопия императивного гностицизма блокированы здесь спокойным интересом автора к собственной персоне и опыту становления достаточного прагматичного мужчины. Этот герой близок к интеллигенции, но как бы дистанцирован от нее отсутствием снобизма, интеллектуального аристократизма.

Либерализм (Дмитрий Быков* (*внесен Минюстом России в реестр СМИ и физлиц, выполняющих функции иностранного агента) («Пастернак», «И-трилогия»), Михаил Шишкин («Венерин волос», «Письмовник»), Людмила Улицкая* (*внесена Минюстом России в реестр СМИ и физлиц, выполняющих функции иностранного агента) (Даниэль Штайн, переводчик», «Зеленый шатер»), Борис Акунин* (*внесен Минюстом России в реестр СМИ и физлиц, выполняющих функции иностранного агента) («Аристократия»), Дмитрий Глуховский* (*внесен Минюстом России в реестр СМИ и физлиц, выполняющих функции иностранного агента) («Текст»)). Русское западничество, составляющее содержание данной стратегии, – объемное, многоликое, вполне системное пространство, в котором критическое отношение к национальной истории и государственности, к эпическим формам политики и религии сопряжено с обостренным вниманием к обособленной творческой личности, совершающей исход из разных проектов коллективизма и соборности. Имплитное, не всегда выраженное в прямой речи отрицание современной российской истории может быть косвенным, как у Александра Иличевского («Математик», «Анархисты»), или агрессивным, как у Д. Глуховского* (внесен Минюстом России в реестр СМИ и физлиц, выполняющих функции иностранного агента), однако общий характер нравственно-философского послания очевиден – сопоставление русской и западной идей как тоталитаризма и либерализма, образующих здесь основное поле конфликтов. Интенции антитоталитарного дискурса (весьма специфически осознанного) играют концептуальную роль.

Народность (Александр Проханов («Пятая империя»), «Человек звезды»), Андрей Антипин («Дядька»), Вера Галактионова («Спящие от печали»), Захар Прилепин («Санька», «Некоторые не попадут в ад»), Герман Садулаев («Готские письма», «Земля – воздух – небо»), Михаил Тарковский («Гойота-Креста», «Полет совы»). Если предыдущая дидактическая стратегия представляет интересы обособленной творческой личности и не без основания ассоциируется с западным либерализмом, то народность вбирает в себя разные художественные инициативы, выстраивающие правый фланг отечественной словесности и направляющие читателя к драматической апологии Русского мира. Эпос присутствует в авторском согласии с нелокализованным в одном историческом времени конфликте божественных и дьявольских сил, в трансляции мысли Достоевского об особой религиозной миссии России во враждебном пространстве грешных, апостасийных сюжетов. Народность и в достаточно высоком уровне языка (тут особенно сильны Тарковский и Антипин), и в противостоянии «живаговщине» – художественной проповеди самоценной поэзии жизни, которая понижает статус общих, коллективных начал. Можно сказать, что и «либерализм», и «патриотизм» обладают своей символической, достаточно устойчивой религиозностью. У Быкова* (*внесен Минюстом России в реестр СМИ и физлиц, выполняющих функции иностранного агента) или Шишкина Бог – исключительный, доходящий до эгоцентризма персонализм, некое антитоталитарное усилие по отождествлению рая и внесоборной интеллигентской души. Для апологетов «эпоса» Бог – это идеальная, вечная Россия-Христос, страдающая от собственных «фарисеев» и внешней агрессии служителей нового Вавилона. Главный призыв здесь – к возвращению в национальное пространство и отказ от масштабно осмысленного постмодернизма.

Романность (Евгений Водолазкин («Брисбен», «Чагин»), Андрей Аствацатуров («Не кормите и не трогайте пеликанов»), Сергей Шаргунов («1993»), Захар Прилепин («Обитель»), Михаил Гиголашвили («Кока»)). Поэтика романа – целостное явление нового мировоззрения; кризисного, незавершенного, открытого – и все же гармоничного высказывания о «литературности» самой жизни, о преимуществах масштабного, расширяющегося, по-раз-

ному фамиллярного сюжета перед героико-эпической, агиографической и другими формами жанровой философии, столь же рациональными. Роман учит не только содержанием, но формой просторной словесности, в нем открывающейся. В романе видят преодоление крайностей идеологии и публицистики. В новейшей отечественной прозе не первое десятилетие наблюдается тоска по настоящему роману.

Постоянная память о классической романности – одна из главных причин популярности Евгения Водолазкина. Ей находится место и в «правофланговом» «Лавре», и в «либеральном» «Авиаторе». В «Брисбене», «Оправдании острова» и особенно в «Чагине» ставка сделана на романную полифоничность судьбы человека. Литературная проповедь Водолазкина вполне влиятельна – гений (этот очередной Живаго!) интересен не своей исключительностью, а включенностью в обоснование обыкновенной жизни как чуда глубокой детализации и комфортного для читателей мягкого, чуждого агрессии, не ренессансного гуманизма.

Результаты.

Не сюжет героя нашего времени, а художественная философия истории – эпицентр самой частотной духовной интриги, заставляющей читателя снова и снова участвовать в диспуте о судьбе России. Литературный процесс оказывается вариантом героико-эпической структуры, сразу же проверяющей своего участника на принадлежность к одному из лагерей. Словно индивидуальные миры, не теряя субъективной образности, начинают поощрять сверхлитературное бытие двух историософских платформ.

Концептуализация дидактического пространства позволяет выделить несколько нравственно-философских интенций. «Гностики», совмещая принципы постмодернистской игры с интуицией освобождения от телесности и определенности самых разных устойчивых сюжетов, говорят о перманентной катастрофе мироустройства – будь то социальная жизнь России или простые законы существования. «Новые реалисты» ратуют за освоение бытия в отказе от метафизичности (прежде всего, гротескной), в переносе акцента с дискурса философского на дискурс автобиографический, когда реалистическая типичность, доходящая до срединности, служит гарантией от появления гностических утопий и антиутопий. «Либералы» не просто проповедуют личную свободу, независимость

от государства, коллективизма и соборности, но и настаивают на преодолении особого русского тоталитаризма столь же особой эмиграцией. Эмиграция может быть вполне внешней, но значительно важнее внутренняя – исход из исторической, а заодно из вечной России, обреченной воссоздавать «гулаг» в незначительно меняющихся дидактиках. «Народники», не отказываясь от воссоздания кризиса народа, именно его считают основой преодоления национальных деформаций. Сюжет спасительного возвращения в Россию – православную и советскую, эпическую и трагическую – условие эсхатологической состоятельности литературной апологии Русского мира как сакрального деяния. Сторонники «романности», словно чувствуя идеологические векторы новейшего литпроцесса и агрессию публицистических начал, используют поэтику самого актуального из жанров для утверждения образа широкого, пластичного, внутреннего, антитоталитарного человека (как героя, так и читателя), который стремится в своих главных движениях исходить не из давления тех или иных архетипов, а из логики расширяющейся жизни с ее открытостью и незавершенностью.

Заключение.

Три интриги будут влиять на развитие литературного процесса в ближайшие годы.

Во-первых, романность естественна, закономерна, истинно литературна – и при этом относительна и даже легковесна в своей мнимой обязательности. Роман Михаила Елизарова «Земля» предстает гностическим посланием. «И-трилогия» Дмитрия Быкова* (*внесен Минюстом России в реестр СМИ и физлиц, выполняющих функции иностранного агента) – либеральный проект. «Заполье», патриотически состоятельный роман Петра Краснова, показывает силу гностицизма; тем более это касается всех книг Юрия Козлова: народность плюс гностические конструкции. Романность в новейшей русской словесности слишком связана, чтобы выйти на рубежи XIX столетия. Идеологическая вертикаль объемной публицистики не уступит своей позиции.

Во-вторых, активизация гностического мироощущения впечатляет. Новейшая проза желает обрести неповторимую красоту в апофатическом отрицании жизни как позитивной программы или богочеловеческого совершенства. Апокалипсис без воскрешения и преображения, нирвана без буддизма – в моде.

В-третьих, эпос нарастает: только усиливается и будет усиливаться проповедь, агрессивная дидактика в пространстве литературы.

Конечно, можно и нужно говорить о нерациональном, эстетически свободном характере прозы, о высокой независимости писателя от того или иного политического жеста. Говорить, конечно, необходимо, ибо литература со своей имплицитной романностью – достижение

и достояние. Однако именно сейчас приходится вспоминать о том, что противостояние славянофилов и западников, Русской партии и диссидентов, правых и левых, патриотов и либералов, евразийцев и глобалистов, почвенников и постмодернистов – это разноименное обозначение эпического конфликта, который далек от разрешения.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Безрукавая, М.В. *Неомодернизм в современной русской прозе: художественные модели мира, концепции человека, авторские стратегии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Краснодар, 2019. 389 с.*
2. Жучкова, А. *Метамодернизм: признать право «другого»... быть // Наш современник. 2021. № 8. С. 256-260.*
3. Павлов, Ю.М. *Художественная концепция личности в русской и русскоязычной литературе XX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Армавир, 2004. 374 с.*
4. Пономарев, Ф.А. *Типология катарсических эффектов в малых формах русской прозы второй половины двадцатого века: дис. ... к-та филол. наук: 10.01.01. Краснодар, 2007. 160 с.*
5. Сапрыкин, Ю. *Ревизия зла // Коммерсант. 2022. 16 декабря.*
6. Сорокина, Т.Е. *Художественная историософия современного русского романа: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Краснодар, 2011. 475 с.*

References:

1. Bezrukavaya, M.V. *Neomodernism in modern Russian prose: artistic models of the world, concepts of man, author's strategies: dis. ... Doctor of Philological Sciences: 10.01.01. Krasnodar, 2019. 389 p.*
2. Zhuchkova, A. *Metamodernism: recognize the right of the "other" ... to be // Nash sovremennik. 2021. No. 8. Pp. 256-260.*
3. Pavlov, Yu.M. *Artistic concept of personality in Russian and Russian-language literature of the 20th century: dis. ... Doctor of Philological Sciences: 10.01.01. Armavir, 2004. 374 p.*
4. Ponomarev, F.A. *Typology of cathartic effects in small forms of Russian prose of the second half of the twentieth century: dis. ... k-ta philol. sciences: 10.01.01. Krasnodar, 2007. 160 p.*
5. Saprykin, Yu. *Revision of Evil // Kommersant. 2022. December 16.*
6. Sorokina, T.E. *Artistic historiosophy of the modern Russian novel: dis. ... Doctor of Philological Sciences: 10.01.01. Krasnodar, 2011. 475 p.*

Информация об авторе:

Татаринов Алексей Викторович, доктор филологических наук, профессор Кубанского государственного университета, tatarinov1967@yandex.ru
Alexey V. Tatarinov, Doctor of Philology, Professor, Kuban State University.